

*

Но даже так, я всего лишь бесполезный, безмозглый, бесчувственный и хладнокровный человек. Бессмысленный гнев исчез в тот же день, и слёзы больше не проступали.

Люди могут привыкнуть к чему угодно.

И они даже не чувствуют, что их привычки печальны.

Люди, которые это чувствуют, вероятно, уже на небесах, да?

Всеми нами просто манипулирует записная книжка, которую наугад нацарапал этот парень, с каждым днём становясь немного злее, улыбаясь ещё больше, а затем ещё больше сожалея, мы могли только стремиться так жить.

*

Вечером, спустя два дня после этого, я натянул на своё вялое тело толстую шерстяную куртку, и, шатаясь, поехал на велосипеде в больницу.

Аяка всё ещё была в коме.

В светлой комнате, яркость которой раздражала, на кровати по центру лежала пациентка, на её лице не было даже намёка на кровь, это была Аяка. Медсёстры сказали: "Она дышит!", но я не вижу никакого движения в её груди. В палате было настолько тихо, что я, кажется, слышал звук жидкости в капельнице, стекающей по трубке.

Я думал, что тело Аяки действительно было здесь.

Но одному только Богу известно, где её душа.

В тот момент, когда дверь была насильно распахнута наркотиком, из неё сочился свет. В месте, которое я увидел, вероятно, не было Аяки, оно было моим собственным; а конечный пункт, к которому направлялся Хакаמידзака, был тьмой в его сердце. Все мы узники своего тела, и, возможно, никогда не сможем отправиться куда-либо ещё.

Верно, ты ведь Фудзисима-кун? Я поднял голову, услышав вопрос медсестры. По-моему, это были одноклассники Аяки, они что-то принесли и просили передать это тебе.

Медсестра достала что-то из шкафа у стены. Это был пакет, наполненный десятью разноцветными бумажками. На нём было написано масляной ручкой: 'Десять бумаг Фудзисимы-куна'.

Я тупо уставился на лицо медсестры. Она улыбнулась и указала в сторону кровати. В этот момент я понял, что около тысячи бумажных журавлей находились рядом с её подушкой, а на карточке, лежавшей рядом, было написано, что это подарок от класса 1-4.

Просто позови меня, если что-нибудь случится. Сказав это, медсестра ушла.

Я остался один.

Опустив голову, я посмотрел на пакет с разноцветными бумажками внутри.

Почему они не забыли обо мне? Я ведь даже не отвечал на их попытки заговорить со мной, я даже в школе не появлялся.

Скорее всего, я бы заплакал, если бы продолжил об этом думать, поэтому я присел на круглый стул и достал из пакета цветные бумажки.

Это были всего лишь десять бумажных журавлей, но мне потребовалось очень, очень много времени. Каждый из бумажных журавлей был довольно уродливым из-за того, что они были скомканы. Чтобы расположить их рядом с остальной тысячей, я подошел к краю подушки и вдруг что-то нашёл.

На шкафу с другой стороны кровати лежали вещи, которые были похожи на подарки от посетителей, образующих интригующую комбинацию.

Небольшой венок из цветов был помещён в прозрачную коробку размером с ладонь.

Рядом с венком из цветов стояла пластмассовая модель танка.

Единственным нормальным подарком была цветочная корзина с засохшими цветами.

А ещё там была тёмно-красная банка объёмом 350 миллилитров.

Подойдя к стороне кровати, где находилось лицо Аяки, я наклонился и посмотрел прямо на неё.

Если я скажу, что я не могу никуда отправиться, то я просто солгу, ведь я всё ещё могу передвигаться на своих двоих. А Аяка теперь не может даже этого, но мне и было куда пойти.

Расположив десять журавлей рядом с остальной тысячей, я уже собирался выйти из палаты, но внезапно остановился.

Словно я что-то услышал, будто кто-то меня позвал, и я обернулся. Разумеется, это была лишь моя иллюзия, а Аяка всё ещё лежала посреди белой палаты замороженная. Однако я заметил перемены на Аяке, а потому поспешно бросился к кровати и уставился на её лицо.

Веки Аяки медленно открылись.

Я мог видеть цвет радужек Аяки, но она не смотрела на меня. Скорее всего, её глаза смотрели сквозь моё лицо, сквозь потолок больницы и даже сквозь голубое весеннее небо, которое было настолько солнечным, что люди чувствовали себя глупо, их взор был направлен на ту открытую дверь.

Моя рука двигалась сама по себе, я не знаю, сколько раз я нажал на аварийную кнопку. Звук множество шагов приближался к палате, а после окружил меня. Медсёстры оттолкнули меня и прижались к лицу Аяки. Как только она велела позвать врача, другая медсестра поспешно выбежала из палаты. Наконец, люди в белых халатах окружили кровать и начали спорить после проведения исследования мозговых волн, говоря, что это была ответная реакция радужки, а затем выгнали меня из палаты.

Оттуда вышел седой доктор и начал объяснять мне состояние Аяки, безучастно сидевшему на диване в коридоре. Ясности всё ещё не было, так как они не могут сказать наверняка без детального обследования. Хотя до конца и не было понятно, но такие условия иногда

возникают. Несмотря на то, что шансы её пробуждения невелики, такая возможность всё ещё есть.

Так что сегодня ты можешь идти домой.

Однажды я уже решил заткнуть уши и просто ждать.

Однако в этот раз есть место, куда я должен пойти. Поэтому я кивнул и встал.

*

Миновав мост и скоростную магистраль Сюто, я обогнул станцию и направился в рамённую лавку Ханамару, где не появлялся уже где-то полтора месяца.

"Я придумала новое блюдо: 'Рамэн с кунжутным маслом', попробуй!"

Сказала Мин-сан как ни в чём не бывало, собираясь приступить к работе. Всё было так, будто я приходил сюда вчера и позавчера. От тона Мин-сан у меня защемило в груди— но это также успокоило меня.

"Кунжут и сливочное масло хороши, но если их смешать....."

Я думаю, что их смешение- это плохая идея.

"Прекрати болтать. Скоро всё будет готово, так что ешь."

"Мне нужно ненадолго отлучиться к Алисе."

"Хмм— ? Ахххх, точно....."

Мин-сан вытянулась из-за прилавка и хлопнула меня по плечу.

"Она действительно вне себя, тебе стоит морально подготовиться."

Оу, она и правда злится.

"На этот раз мороженое тебе не поможет, так что всё зависит от тебя!"

Мин-сан злобно рассмеялась и с силой толкнула меня в спину. Ничего не поделаешь, в конце концов, это моя вина.

*

Воздух в детективном агентстве NEET был настолько холодным, что мог заморозить людей до смерти, да и мои чувства были также остры, как осколки льда, которые выдавал кондиционер вместе с холодным воздухом. Алиса, одетая в пижаму, сидела, повернувшись ко мне спиной. Её чёрные волосы, струившиеся по одеялу, как реки, в тот день были похожи на острый предмет из стекла.

"Не стоит, тебе нет нужды извиняться, это же такая мелочь. Я не смогла найти причин для извинений даже после того, как ты оставил меня на верхушке водонапорной башни, и я два часа чувствовала себя, словно брошенный искусственный спутник, даже после просмотра всего

мира. Я сама виновата в том, что не могу спуститься по лестнице. Если ты и правда хочешь извиниться, то тебе стоит разыскать Майора. Я вызвала его телефонным звонком в тот день и он забрал меня с водонапорной башни, прячась от дежурных учителей."

"..... Прости, это всё моя вина. Я приношу свои извинения."

Алиса резко стучала по клавиатуре, даже не повернув головы. Пустые банки из-под Доктора Пеппера были сложены под кроватью, образуя круглую стену.

Она явно вне себя. Почему я такой тупой?

Только потому, что Алиса говорила со мной и была рядом, я выплеснул на неё свои смешанные чувства, как ребёнок.

"Разве я не сказала, что тебе не нужно извиняться передо мной!"

Голос Алисы прозвучал так, словно в нём были шипы, вонзившиеся в мою спину.

"Но ведь это я бросил тебя там и сбежал домой, это моя вина. Прости, этого больше не повторится. И когда мы выберемся в следующий раз, я буду более заботливым....."

Чёрные волосы внезапно зашевелились. Алиса обернулась, её лицо пылало красным.

"Э-э-это только потому, что ты случайно оказался рядом со мной! Не говори так, будто я не могу выйти, если тебя здесь нет!"

"Ах, и-извини."

Я свернулся калачиком. Очевидно же, что я не это имел в виду.

"И зачем ты пришёл сюда сегодня, кроме как посмеяться надо мной? Если есть что-нибудь ещё, то побыстрее говори!"

Алиса с покрасневшим лицом развернула подушку, ударившись о ковёр.

Что-нибудь ещё.

Я ведь только что во время разговора затронул то, что хотел сказать..... Если бы я просто честно сказал это, то, вероятно, только разозлил бы её ещё больше, да? Что же, чёрт возьми, я должен сказать?

Алиса внезапно повернулась лицом к клавиатуре и прижалась ко мне спиной.

На мгновение я задумался о том, что сказать.

Сработает ли такой неубедительный аргумент?

Не зная, я могу только попытаться.

"..... Мой трудовой договор..... он ведь всё ещё действителен?"

Звук стука клавиатуры прекратился, чёрные волосы потекли в другую сторону, потому что Алиса повернулась ко мне лицом. Её брови были плотно сдвинуты, а уголки губ слегка опустились вниз.

"Конечно, всё кончено, контракт завершился, как только я докопалась до истины."

"Но....."

Я провёл языком по губам, подавляя нервные эмоции в своём сердце.

"Алиса, ты ведь до этого говорила, что всё ещё не до конца уверена в ситуации. Так что....."

Я грубо указал на ошибки в её словах. Если это Алиса, если это обычная Алиса, то она использовала бы пятнадцать раз свою дискуссионную силу, чтобы подавить меня с самого начала. Но в этот момент она вдруг замерла из-за моего ответа.

"Выходит, что я всё ещё ассистент Алисы, верно?"

"Потому я сегодня здесь, чтобы извиниться, и впредь—"

Однажды Аяка может очнуться, и тогда она расскажет нам правду. А до этого дня я буду ассистентом Алисы.

Внезапно Алиса начала швырять в меня пустыми банками из-под Доктора Пеппера, тем самым прервав. Раздался чистый звук металла 'донг'.

"Придурок! Убирайся!"

Сказала Алиса с лёгким румянцем на щеках. Это был самый короткий комментарий, который я когда-либо от неё слышал.

Я опустил голову, задержал дыхание, вздохнул и поднялся.

В действительности я был здесь не ради извинений и не ради исполнения роли ассистента, и выходя из комнаты, я неосознанно забыл об этом, ведь думал, что это слишком глупо. Разумеется, это единственное, что я мог ей сказать.

"..... Спасибо, и не только за это."

Сказал я силуэту в пижаме с плюшевыми мишками.

Выйдя из комнаты и закрыв за собой дверь, я увидел фразу на вывеске.

Лишь NEET-ством живы.

Разве нет способа лучше, чтобы расставить всё по местам? Но ничего не поделаешь, я просто бесполезный, безмозглый, бесчувственный и хладнокровный ребёнок. Для меня это уже самое лучшее усилие, на которое я способен. Если и это не удастся, то сожаления меня ни к чему не приведут.

Сейчас у меня нет причин оставаться здесь.

Это исход, который я избрал, ведь жизнь нельзя повернуть вспять.